

Владимир Носалёв

Пересборка

<https://litres.ru/74254919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он обычный механик, который оказался в чужом мире, пересобрал свое тело и обрел силу убийцы. Она — таинственный Наблюдатель, следящая за равновесием вселенных. Их союз — это случайность или предначертанность? Впереди — Проклятые Земли, где реальность схлопывается, и охота, в которой ставка — сама жизнь. Сможет ли Авель починить себя, прежде чем тьма внутри него поглотит всё вокруг?

Содержание

Пересборка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Носалёв

Пересборка

Пересборка

Глава 1.

Город ещё спал, укутанный в плотный, как мокрая вата, туман. Авель выехал затемно, радуясь пустым улицам. Шоссе змеей уходило в лес — знакомый маршрут к старому озеру, где скалы подступают прямо к воде.

Последние полгода он жил на износ. Десять лет слесарем-ремонтником на заводе научили его слышать станки лучше, чем людей, но сейчас даже металл казался враждебным. Смены растянулись до бесконечности, план рос каждый месяц, а дома ждали только гулкая тишина и записка о разводе на кухонном столе. Точка невозврата осталась позади неделю назад, когда судья поставил размашистую подпись под их с Леной решением. Квартира мгновенно стала чужой, словно съёмный угол. Этот отпуск был не отдыхом, а попыткой сбежать от собственного отражения.

Авель заглушил мотор у старой сосны. Воздух пах хвоей и остывшим металлом. Он посидел в тишине, слушая, как остывает двигатель, достал термос, но пить не стал. Идти ловить рыбу расхотелось сразу — сидеть над поплавком озна-

чало остаться наедине с мыслями, которые он гнал весь последний год. Вместо этого он просто пошёл вдоль берега, туда, где чёрные базальтовые уступы сходились клином, образуя закрытую бухту.

Здесь всегда было ветрено, но сегодня воздух стоял мёртвым. Вода в бухте напоминала тёмное стекло. Абель подошёл к кромке воды, чтобы ополоснуть лицо, и замер. Над одним из плоских камней, метрах в трёх от берега, дрожал сам воздух. Это выглядело так, словно кто-то включил промышленный обогреватель: потоки жара поднимались вверх, размывая очертания скал за ними, хотя холода Абель не чувствовал. Никакого свечения, никаких символов. Просто марево, похожее на газовый выхлоп, бьющее вертикально из трещины в камне. Искажение казалось густым, почти осязаемым. От него тихо, на грани слышимости, звенело в ушах.

Любопытство оказалось сильнее усталости. Оно всегда брало верх над здравым смыслом — погубило брак, лишило сбережений на сомнительные «стартапы» друзей, втягивало в драки. Абель шагнул ближе.

Трава под ногами похрустывала тонкой корочкой инея, хотя утро было тёплым. Чем ближе он подходил, тем сильнее вибрировала земля — не угрожающе, а монотонно, как трансформаторная будка. Дрожащее пятно воздуха имело чёткий овал метра полтора в диаметре. Абель протянул руку, собираясь лишь потрогать границу искажения кончиками пальцев, проверить плотность потока.

Он не успел коснуться марева.

Воздух вдруг всосал его руку по локоть, затянул плечо, грудь, и с чавкающим звуком ударной волны вышвырнул сознание в абсолютную темноту. Боль пришла мгновением позже — тупая, выворачивающая наизнанку, будто каждую кость пропустили через мясорубку. А потом исчезла и она.

Запах металла ударил в нос первым. Затем вернулся слух — низкий, утробный гул, который чувствовался не ушами, а зубами. Авель открыл глаза.

Он лежал лицом вниз на чём-то твёрдом и невыносимо холодном. Подняв голову, он увидел траву. Она была красной, как старая медь, и острой, как битое стекло. Чуть дальше росли кусты с листьями из чистого серебра, они изгибались, точно языки ацетиленового пламени на ветру. Скалы вокруг уходили в багровое небо неправдоподобными пиками. Свет здесь тоже был чужим — тусклым, идущим одновременно отовсюду, без солнца.

Авель сел, ощупывая себя. Руки-ноги целы, одежда на месте, кроссовки полны красного песка. Голова раскалывалась, во рту стояла сушь. Организм требовал воды и еды, но мозг отказывался паниковать. Страх придёт позже, а пока включился привычный рабочий режим: оценить поломку, найти инструмент, устранить. Поломкой был он сам, выброшенный сюда непонятной силой.

Пока он пытался сориентироваться, низкочастотный гул

перерос в вибрацию. Красная трава впереди начала шевелиться, становясь выше на глазах. Авель замер, вглядываясь в багровый сумрак.

Сначала ему показалось, что воздух впереди просто пошёл рябью — как над раскалённым асфальтом в июльский полдень. Но рябь не рассеивалась. Она густела, наливалась цветом, и в какой-то момент Авель осознал, что смотрит не на искажение, а на границу. Тончайшую мембрану, отделяющую здешний мир от чего-то иного.

Мембрана лопнула беззвучно, разойдясь идеальным кругом, и из разрыва выплыл купол. Он не двигался — он именно проявлялся, как проявляется изображение на фотобумаге, опущенной в проявитель. Сначала проступил контур, сотканный из мерцающих нитей, затем купол налился объёмом, но не материей. Внутри него не было ничего твёрдого — только медленно вращающиеся сгустки света, перетекающие друг в друга, словно капли масла в воде. Иногда в этом танце проскальзывали тени — не те, что прячутся по углам, а тени от предметов, которых здесь никогда не существовало. Силуэты деревьев с семью стволами. Очертания летящих существ с кожистыми крыльями. Контуры городов, чьи башни закручивались в спирали.

За первым куполом проявился второй, за ним третий. Всего Авель насчитал пять, и каждый пульсировал в собственном ритме, каждый содержал свою вселенную эфира и энергии. От куполов исходила такая мощь, что волосы на ру-

ках встали дыбом, а кожу начало жечь статикой — покалывание в пальцах быстро стало болезненным.

На периферии зрения мелькнуло движение. Авель резко обернулся.

Из-за дальнего гребня беззвучно вытекали тени. У них не было ни лиц, ни конечностей — просто сгустки абсолютной черноты, поглощающие даже этот странный рассеянный свет. Они двигались плавно, перетекая по камням, и целенаправленно сокращали дистанцию. Намерения читались однозначно: никакой охоты ради забавы, только чистое устранение препятствия.

Авель рванул вперёд, к ближайшему куполу. Логика рабочего подсказывала: если аномалия выбросила его здесь, значит, рядом есть выход или источник энергии, способный дать ответ. Бежал он тяжело, сказывались возраст и прокуренные лёгкие. Ноги вязли в рыхлом песке, дыхание быстро превращалось в хрип. Тени не отставали. Они скользили бесшумно, неумолимо догоняя, экономя силы там, где человек тратил их на каждый отчаянный шаг. Двадцать метров. Десять. Когда одна из тварей вытянулась, пытаясь накрыть его своей чернотой, Авель из последних сил бросился ничком на землю.

Но удара не последовало.

Шум погони отрезало внезапно, словно выключили рубильник. Тени замерли на границе невидимого круга, покачивались секунду и медленно втянулись обратно за скалы,

растворившись в пейзаже.

Авель остался лежать, вжимаясь щекой в красный песок и боясь поднять голову. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вставай, — раздался голос за спиной. — Лежачего оно переварит быстрее.

Голос был спокойным, глубоким, с лёгкой металлической хрипотцой. Говорили чисто, без акцента.

Авель перекатился на спину, судорожно загребая песок каблуками. Над ним возвышалась фигура ростом под два с половиной метра. Мощный торс покрывала броня из матово-серебряных пластин, соединённых пульсирующими синими нитями. На плечи наброшен тяжёлый плащ, сотканный, кажется, из самого тумана. Мужчина опустил на одно колено, нависнув над Авелем всей своей массой.

— Кто ты такой? И как сюда попал?

Авель попытался сглотнуть — горло пересохло намертво.

— Какого хрена здесь творится? Что это за место? — просипел он вместо ответа.

Мужчина едва заметно усмехнулся, отчего шрамы на его лице пришли в движение.

— Меня зовут Коган. Я хранитель кластера перехода. Это перевалочный пункт для энергетических сущностей. Людей тут быть не должно. По законам баланса я должен тебя аннигилировать, пока твой биологический шум не привлёк Пожирателей окончательно. Но мне скучно уже три тысячи лет, поэтому сначала поговорим.

Авель смотрел на него снизу вверх, переводя взгляд с лица гиганта на зависшие вдали купола. Слово «тысячелетия» никак не хотело укладываться в голове.

— Аннигилировать — это распылить на атомы? — уточнил он, опираясь на локоть.

— Скорее, разобрать на чистую информацию. Ты почувствуешь лишь первую миллисекунду.

— Понятно. А эти... Пожиратели? Почему они ушли?

— Почувствовали меня. Они паразитируют на нестабильных переходах. Твоя случайная дырка в реальности фонит так, что привлекает их со всего сектора. Кстати, её здорово разорвало при твоём прохождении. Хорошая работа, искачитель пространства теперь можно сдавать в утиль.

Коган протянул огромную ладонь. Авель вложил в неё свою руку и позволил поднять себя на ноги. Ростом великан доставал ему примерно до подбородка.

— Отправить тебя обратно я не могу, — продолжил Коган, оглядывая долину. — Тот поток, в который ты сунул пальцы, был односторонним билетом. Чтобы вернуться, тебе нужно найти свой собственный выход. Или дожидаться следующего Великого Разлома. Лет через пятьсот.

Авель машинально стряхнул песок с куртки. Привычка чинить сломанное снова взяла своё.

— Вы сказали — переход в другие миры. Если я не могу попасть домой через эту вашу систему, потому что билет просрочен... Могу ли я использовать её, чтобы прыгнуть в

какой-нибудь другой мир? Где есть кислород, вода и гравитация близкая к земной?

Коган помолчал, разглядывая купола, парящие над красным песком.

— Видишь их? Это не машины и не двери в привычном тебе смысле. Внутри нет ничего материального — только чистая энергия и эфир, сгустки вероятностей, нереализованные возможности миров. Энергетические существа — это информационные структуры. Они проходят сквозь мембрану, как сигнал через оптоволокно. Их барьер пропускает. Твой же организм — биологическая машина, слишком сложная и слишком хрупкая. При попытке прохода клетки потеряют сцепление. Ты развалишься на молекулы ещё на входе.

— Но шанс есть, — произнёс Авель не вопрос — утверждение. Он снова посмотрел на купола, на их медленный, завораживающий танец света и тени. — Вы не сказали «невозможно». Вы сказали «слишком сложная». А сложное — это всего лишь много простого, собранного вместе.

Коган издал низкий рокочущий звук, отдалённо похожий на смех.

— Механик. Вам, людям, вечно нужно разобрать всё на детали. Что ж, слушай. Шанс есть, но он не в преодолении барьера силой. Энергетические сгустки внутри куполов — это не просто топливо. Это информационные матрицы миров. Иногда, очень редко, они резонируют с материей. Если ты сумеешь найти купол, чья частота совпадёт с твоей соб-

ственной, ты сможешь не пройти сквозь мембрану, а... переписаться. Как файл с одного носителя на другой. Исходное тело умрёт здесь, в этом кластере. Но твоё сознание, твоя суть — она пересоберётся уже там, в новом мире. В новом теле.

Авель переваривал услышанное. Где-то вдалеке снова слышался утробный гул. Тени за скалами пришли в движение, собираясь в стаи — плотнее, многочисленнее, чем прежде.

— Времени у тебя почти нет, — Коган кивнул в сторону темнеющего горизонта. — Пожиратели вернулись. На этот раз их больше. Я могу сдержать их какое-то время, но не вечно. Тебе придётся идти одному.

— Одному? — Авель невольно бросил взгляд на купола. — Но как я узнаю, какой из них...

— Не узнаешь, — перебил его Коган. — Почувствуешь. Или нет. Правил здесь нет, механик. Только ты и эфир. Подойди к каждому. Тот, что отзовется дрожью в костях, а не в ушах, — твой. Но помни: цена ошибки — не пыль. Цена ошибки — вечность между мирами, где нет ничего, кроме твоей боли.

Гул нарастал, переходя в низкий вибрирующий вой. Первые тени уже показались из-за скал — теперь их были десятки, и двигались они быстрее, гораздо быстрее.

— Иди! — рявкнул Коган, вставая во весь рост. Броня на его плечах вспыхнула ярким синим светом, плащ всколых-

нулся, хотя ветра по-прежнему не было. — У тебя пара минут, не больше!

Авель побежал.

Первый купол он миновал почти сразу — энергия внутри него пульсировала резко, отрывисто, вызывая лишь головную боль. Второй отозвался тошнотой и металлическим привкусом во рту. Третий заставил воздух вокруг похолодеть настолько, что на куртке выступил иней.

За спиной раздался грохот. Авель на бегу обернулся и увидел, как Коган встал живым щитом между ним и наступающей тьмой. От фигуры хранителя расходились концентрические волны света, ударяющие в тени, как прибой в скалы. Тени отступали, но тут же смыкали ряды снова. Коган держал оборону, но было видно — надолго его не хватит.

Четвёртый купол Авель обогнул, даже не останавливаясь — стоило приблизиться к нему на три шага, как лёгкие сдавило невидимым прессом. Кислорода в том мире, куда вёл этот переход, не было.

Оставался последний, пятый. Самый маленький и самый тусклый с виду. Внутри него не плясали тени несуществующих городов, не кружились вихри вероятностей. Там медленно, как сонная река, тёк поток золотистого света — ровный, спокойный, почти незаметный на фоне своих ослепительных собратьев. Авель остановился перед ним, тяжело дыша.

Протянул руку.

И почувствовал. Не тепло и не холод. Не боль и не эйфорию. Дрожь в костях — ту самую, о которой говорил Коган. Глубинный резонанс, как будто кто-то взял правильный аккорд на инструменте, о существовании которого он даже не подозревал. Купол узнавал его. Или он узнавал купол.

— Быстрее! — донёсся рёв Когана.

Авель стиснул зубы и, не давая себе времени на страх, вошёл в золотистый свет.

Мир распался на пиксели. На мгновение он почувствовал всё сразу: как распадаются связи между клетками, как мысли превращаются в чистую информацию, как его «я» вытягивается в бесконечно тонкую нить. А затем пришла тьма — тёплая, уютная, лишённая боли тьма перезагрузки.

Последним, что он услышал, был далёкий, почти торжествующий голос Когана:

— А ты не безнадёжен, механик...

Глава 2.

Темнота здесь была другой — не той пугающей пустотой, что встретила его при переходе, а вязкой, тёплой, похожей на толщу воды. Сознание возвращалось не сразу, отдельными фрагментами, как разбитая чашка, которую кто-то терпеливо склеивал осколок за осколком.

Сначала пришли запахи.

Машинное масло, которым он пропитал руки за десять лет у станка — оно въелось в поры навсегда. Сладковатый дымок сигареты, которую Лена всегда требовала тушить на

балконе, а он забывал. Запах больничного антисептика — тот день, когда отца не стало. Амель не видел картинок, но ощущал эти запахи так остро, словно они существовали прямо сейчас, в этой темноте.

Потом пошли звуки.

Голос мастера Петровича: «Слышь, Амель, тут подшипник клинит, глянь по-человечески». Смех Лены — залихватистый, с подвизгиванием, каким она смеялась только в первый год их знакомства. Скрежет металла о металл, когда он ошибся с настройкой резца и запорол деталь. Звук разрываемой бумаги — он рвал их совместную фотографию после суда, методично, на мелкие клочки.

Затем пришли образы.

Вот он, семилетний пацан, впервые забирается под капот отцовского «Москвича» и получает гаечным ключом по лбу. Вот выпускной в училище, дешёвое шампанское и ощущение, что весь мир лежит перед ним, как разобранный механизм — только собери правильно. Вот первая ссора с Леной, когда он вложил все накопления в «верняковый стартап» друга, который прогорел через месяц. А вот утро у озера, дрожащий воздух над камнем и его рука, тянущаяся к мареву — момент, разделивший жизнь на «до» и «после».

Воспоминания прокручивались в голове, как киноплёнка, но странным образом — без привычной горечи. Словно кто-то пересобрал их заново, вычистил эмоциональную ржавчину, смазал шестерёнки памяти. Амель смотрел на своё про-

шлое и впервые за долгие годы не испытывал желания отвернуться. Оно было просто... фактом. Деталью механизма. И механизм этот работал — пусть и со скрипом, но работал.

Он открыл глаза.

Свет был мягким, зеленоватым — так светятся кроны деревьев в летний полдень. Только здесь этот свет шёл сверху, не от солнца, а словно процеженный сквозь гигантский полог из листьев и лиан на невероятной высоте. Авель лежал на толстом слое мха — нежно-голубого, пахнущего чем-то похожим на мяту. Мох пружинил под спиной, как дорогой ортопедический матрас.

Он медленно сел. Голова не закружилась, тошнота не подкатила. Напротив — в теле ощущалась странная лёгкость, почти невесомость. Мышцы не ныли, спина не стреляла, даже вечная тяжесть в правом колене, заработанная на заводе, исчезла.

Авель осмотрел себя. Одежда была та же — джинсы, куртка, кроссовки, — но сидела иначе. Куртка стала чуть свободнее в плечах, а джинсы пришлось бы поддернуть, если бы не ремень. Он сжал и разжал кулак. Пальцы слушались идеально, но ощущение было новым — как после долгого перерыва, когда заново привыкаешь к собственному телу.

Рюкзак — старый, потёртый, с пятном от машинного масла на боку — валялся рядом. Авель подтянул его к себе, растегнул. Термос, бутерброды в пакете, фляга с водой, запасная зажигалка, моток изоленды, пачка сигарет. Всё, что он

машинально бросил утром, собираясь на озеро. Ни удочек, ни снастей — он так и не достал их из багажника. Значит, рассчитывать придётся только на это.

Он поднёс ладонь к глазам. Мозоли на месте. Шрам от пореза на большом пальце — на месте. Но кожа стала заметно светлее, почти прозрачной у запястья, и под ней угадывались тонкие, едва заметные золотистые линии — словно светящиеся нити, повторяющие рисунок вен. Это не пульсировало, не болело, просто было. Наследие купола.

Сознание действительно изменилось. Мысли текли быстрее, но без суетливости. Память работала с пугающей чёткостью — он мог вспомнить лицо Когана в мельчайших деталях, каждую царапину на его броне, каждый оттенок синих нитей. И одновременно он чувствовал что-то ещё — какое-то новое восприятие, словно внутри появился дополнительный орган чувств, для которого пока не существовало названия.

Авель поднялся на ноги и огляделся.

Мир напоминал Землю, но с поправкой на чью-то странную фантазию. Лес был лесом — деревья, кусты, трава, — но деревья имели медно-коричневую кору, гладкую, как полированный металл. Их кроны, уходящие в зеленоватую дымку, состояли из треугольных листьев размером с ладонь — при каждом дуновении ветра они звенели, как китайские колокольчики. В подлеске рос папоротник с серебристыми стеблями, а цветы на низких кустах напоминали земные ро-

зы, только лепестки их были полупрозрачными и постоянно меняли цвет от белого к синему и обратно.

Фауна тоже присутствовала. По стволу соседнего дерева пробежало существо, похожее на белку, но с шестью лапами и гребнем на спине, который раскрывался веером при прыжке. В воздухе парили насекомые, напоминающие крупных стрекоз — их крылья вибрировали так быстро, что становились невидимыми, оставляя только два ярко-оранжевых пятна на фоне листвы. Где-то вверху перекликались птицы, и их песни звучали почти как человеческая речь — сложные, переливчатые, с ритмическими повторами.

Воздух был влажным и тёплым. Пахло прелыми листьями, чем-то сладким и немного — озоном. Гравитация казалась чуть ниже земной, но ненамного — может, восемьдесят процентов от привычной. Дышать было легко, даже легче, чем дома. Кислород, вода, приемлемая температура — Коган сказал бы, что парень вытянул счастливый билет.

Авель провёл ладонью по лицу, стирая остатки сна, и привычно переключился в режим «оценка поломки».

Первая задача — вода. Вторая — еда. Третья — укрытие. Четвёртая — разведка. Пятая — понять, как отсюда выбраться.

Последний пункт он мысленно подчеркнул дважды.

Воду он нашёл быстро — слух, усиленный пересборкой, уловил тихое журчание в паре сотен метров к востоку. Ручей оказался узким, но быстрым, с кристально чистой во-

дой, бегущей по руслу из розоватого камня. Авель опустил-ся на колени, зачерпнул горсть. Вода была холодной и чуть сладковатой на вкус, с лёгким минеральным послевкусием. Никакого запаха, никакой мути. Прежде чем сделать второй глоток, он выждал пару минут, прислушиваясь к организму — старая привычка технаря: всегда проверять систему перед полной нагрузкой. Тело не протестовало.

Он напился, умылся, наполнил опустевшую флягу. Еда — бутерброды из дома — пока терпела. С мясом и охотой можно разобраться позже.

Солнце — или то, что заменяло его в этом мире, — начало клониться к горизонту. Свет стал более тусклым, тени удлиннились. Нужно было искать ночлег.

Пещеру он нашёл в скальном склоне примерно через час. Небольшой провал в камне, заросший по краям голубоватым мхом, но внутри сухой и достаточно просторный, чтобы лечь, вытянув ноги. Вход защищал естественный козырёк, а глубина пещеры составляла метров шесть — дальше она сужалась в тёмный лаз, откуда тянуло холодом и чем-то, отдалённо напоминающим мокрую шерсть.

Авель осмотрел убежище внимательно. Пол был устлан мелкой каменной крошкой, стены сухие, без следов плесени или помёта. Сверху не капало. Он наломал сухого мха и веток, соорудил подобие лежанки у входа — достаточно далеко от тёмного лаза, чтобы чувствовать себя в безопасности, но и не снаружи, где ночная жизнь могла преподнести сюрпризы.

Он сидел, скрестив ноги, и смотрел, как темнеет лес. Стрекозы с оранжевыми крыльями исчезли, им на смену пришли другие насекомые — светящиеся, медленно парящие в воздухе, как крошечные фонарики. Где-то вдалеке запела новая птица — низким, грудным голосом, почти как виолончель. Ночь здесь была не враждебной, скорее, равнодушной. Она просто существовала, и АVELЬ в ней — тоже.

Он почти задремал, когда услышал звук.

Тихий, скребущийся. Из глубины пещеры. Из тёмного лаза.

АVELЬ мгновенно подобрался, рука легла на нож. Сон слетел, как шелуха. Он вгляделся в темноту. Золотистые линии под кожей на запястье едва заметно засветились — реакция на выброс адреналина или что-то ещё, он не знал.

Скребущий звук повторился. Ближе.

Из лаза медленно, неуклюже выбралось существо. Размером с крупную собаку, покрытое серой, похожей на камень шкурой, с длинными, почти паучьими лапами и головой, напоминающей помесь черепахи и варана. Существо подслеповато щурилось, поводя головой из стороны в сторону — на свету оно явно ориентировалось плохо. Но запах чужака уже дразнил его ноздри.

АVELЬ медленно поднялся, не делая резких движений. Бежать некуда. Драться — глупо, тварь весила как минимум в два раза больше него. Оставался третий вариант, который он усвоил ещё на заводе: любое препятствие — это просто

неправильно настроенный механизм. Найди настройку.

Он сорвал с пояса зажигалку, чиркнул колесиком. Вспышка. Существо дёрнулось, издало низкое шипение, похожее на звук спускаемой шины. Но не отступило.

Свет. Он реагирует на свет, но не боится. Значит, не тьма — его дом. Что тогда? Запах? Звук?

Авель нашарил под ногой камень, швырнул его в противоположную от себя стену. Грохот в замкнутом пространстве пещеры получился оглушительным. Существо резко развернулось на звук, зашипело громче, припало на передние лапы. Авель, не теряя ни секунды, метнулся к выходу.

Он выкатился наружу и тут же вскочил на ноги. Существо, поняв, что добыча уходит, бросилось следом — но неуклюже, застревая в узком проходе. Авель подхватил с земли толстую ветку, которую заготовил для костра, и, когда тварь высунула голову из пещеры, со всей силы обрушил удар на её морду.

Хруст. Визг. Существо отпрянуло, скрылось в темноте лаза. Ещё несколько секунд из глубины доносилось шипение и скрежет, а потом всё стихло.

Авель стоял, тяжело дыша, сжимая импровизированную дубину. Пальцы дрожали, но не от страха. От ясности. Той самой ледяной, кристальной ясности, которая приходит в момент, когда понимаешь: никто не придёт. Ни Коган, ни спасатели, ни случайный прохожий. Только ты и эта ночь, полная неведомых тварей.

Он медленно опустился на землю у входа в пещеру, положил дубину на колени и уставился в темноту.

Пазл сложился до конца. Уютная иллюзия отпуска, из которого можно вернуться, рассеялась окончательно. Это — его жизнь теперь. Охота. Вода. Огонь. Пещера. Враги. И неизвестность — такая плотная, что её можно потрогать руками.

Впервые за многие годы Авель почувствовал... нет, не отчаяние. Горечь, смешанную со странным возбуждением. Мир вокруг был огромным, непонятным и смертельно опасным механизмом. Но механизмы он умел чинить. Или ломать.

Золотистые нити на его запястьях снова засветились — теперь уже без всякого адреналина. Просто сами по себе. Словно мир отвечал ему едва заметным, тихим резонансом.

Авель усмехнулся и подбросил веток в затухающий костёр. Спать он не собирался. Он ждал рассвета.

Глава 3.

Авель выбрался из пещеры с первыми лучами зеленоватого солнца. Шея затекла, спина ныла, а глаза саднило от бессонной ночи — уснуть после визита каменной твари он так и не смог, лишь проваливался пару раз в поверхностную дрему, вздрагивая от каждого шороха. Но странное дело — несмотря на усталость, он чувствовал себя почти счастливым.

В этом мире было всё для выживания.

Вода — чистая, холодная, в изобилии. Дичь — непуганая, достаточно медлительная, чтобы успеть прицельно метнуть нож. Топливо для костра — пусть влажное, но при должном старании горячее. Даже мох годился в пищу: вчера он пожевал маленький кусочек голубого мха и не умер, а организм отозвался благодарным теплом. Мир был суров, но честен. Он не пытался притворяться дружелюбным, как офисный коллектив, и не жалил исподтишка, как бывшая жена в суде. Он просто существовал — огромный, равнодушный механизм, который можно изучить, разобрать на принципы и закономерности, а затем — приспособиться.

Авель умылся в ручье, доел остатки вчерашнего мяса и осмотрел своё имущество. Куртка, джинсы, кроссовки. Фляга с водой. Зажигалка. Складной нож... Он похлопал по карманам. На месте. Спокойно.

Потому что был ещё один пункт в его мысленном списке, который он не записывал, но постоянно держал в голове. Самый важный.

Он надеялся, что этот мир обитаем.

Не просто населён зверьём и светящимися стрекозами, а населён разумными существами. Слишком уж много совпадений: воздух пригоден для дыхания, гравитация близка к земной, вода безопасна. Так не бывает случайно. Либо кто-то создал этот мир похожим на Землю, либо он сам подстроился под человека — но в обоих вариантах где-то должен быть создатель. Или хотя бы его следы.

Авель поднялся на ближайший холм, чтобы оглядеться. Лес простирался во все стороны, но на севере, километрах в десяти, рельеф менялся — деревья редели, уступая место холмистой равнине, а дальше, у самого горизонта, угадывались очертания горной гряды. Где горы — там пещеры. Где пещеры — там укрытие. Где укрытие — там, возможно, разумная жизнь. Или хотя бы её остатки.

Он двинулся на север.

Лес постепенно менялся. Медно-коричневые стволы уступали место деревьям с корой, похожей на застывшую лаву — пористой, чёрной с серебристыми прожилками. Их кроны были реже, и сквозь них пробивалось больше зеленоватого света. Под ногами хрустела не трава, а какой-то сухой лишайник, похожий на спрессованную металлическую стружку.

Идти было легко. Тело работало как хорошо смазанный станок. Авель шёл размеренным шагом, экономя силы. Но где-то через четыре часа он начал замечать, что ритм сбивается.

Сначала просто стало тяжелее дышать. Потом появилась слабость в коленях, а веки налились свинцом. Бессонная ночь брала своё. Авель попытался подстегнуть себя — вспомнил заводские смены, когда они работали по двенадцать часов без перерыва, — но организм отказывался подчиняться.

Он прислонился к дереву, перевёл дух. Сон подступал

мягко, обволакивал сознание ватой. Глаза закрывались сами собой. «Пять минут, — сказал он себе, сползая по стволу. — Всего пять минут».

Резкая боль в затылке привела его в чувство. Шишка на коре впилась точно в основание черепа. Авель выругался сквозь зубы, заставил себя подняться. Нет. Спать нельзя. Найди укрытие, разведи огонь — и тогда спи. Ровно столько, сколько нужно для восстановления.

Он заставил себя идти дальше.

Тропу он заметил случайно.

Просто полоса примятого лишайника, уходящая в подлесок. Шириной в две ладони. Слишком ровная для звериной и слишком узкая для человеческой — если судить по земным меркам. Но это была тропа. Кто-то ходил здесь достаточно часто, чтобы оставить след.

Авель опустился на корточки, рассматривая землю. Отпечатков не было — лишайник пружинил, не сохраняя формы. Но направление читалось чётко. Тропа вела на северо-запад, в обход холмов.

Логика подсказывала: тропа — это хорошо. Тропа — это дорога к воде, еде или жилью. Но старая заводская мудрость шептала другое: «Не лезь в станок, пока не увидишь, кто на нём работает». Авель колебался недолго. Усталость перевесила осторожность. Он пошёл по тропе.

Сначала всё было спокойно. Лес звенел на разные голоса, пахло сладким соком и озоном, свет сочился сквозь кроны,

как через витраж. Тропа петляла, огибала валуны и заросли кустов с полупрозрачными цветами. Авель шёл, механически переставляя ноги, и мысли его начали путаться. Образы прошлого и настоящего смешивались. Вот он идёт по заводскому цеху, а станки вокруг увиты голубым мхом. Вот Лена сидит на кухне, но вместо чашки держит в руках светящийся цветок. Вот Коган склонился над ним и говорит: «Ты не безнадёжен, механик...»

Земля ушла из-под ног.

Рывок был таким резким, что Авель не сразу понял, что произошло. Мир перевернулся, желудок подскочил к горлу, а ноги взметнулись выше головы. Он вскинул руки, пытаясь за что-то ухватиться, но пальцы сжали лишь воздух.

Сеть.

Толстые, грубые канаты впились в тело, стягивая его в позу эмбриона. Ловушка сработала мгновенно — видимо, он наступил на скрытую под лишайником петлю. Сеть взметнулась вверх, подброшенная противовесом из тяжёлого камня, и теперь раскачивалась на толстой ветке метрах в четырёх над землёй.

Авель выругался — длинно, грязно, вкладывая в слова всю усталость и злость. Попытался перевернуться. Канаты врезались в рёбра, не давая пошевелиться. Он дёрнул плечом — сеть лишь качнулась. Схватился за узел, потянул. Бесполезно. Петли были сделаны из растительного волокна, но на ощупь напоминали скорее проволоку в оплётке — жёст-

кие, прочные, ничуть не поддающиеся.

Нож. Нужен нож.

Он сунул руку в карман. Пусто. В другой. Пусто. Рюкзак болтался где-то за спиной, добраться до него в стянутой позе было невозможно. Авель напряг память, прокручивая назад последние часы.

Пещера. Тёмный лаз. Тварь, похожая на помесь варана с черепахой. Он ударил её веткой, выкатился наружу, а нож... нож так и остался лежать на камне у кострища. Единственное оружие. Бросил.

Авель заставил себя дышать ровнее. Паника — плохой советчик. Он осмотрел узлы ещё раз, теперь внимательнее, прикидывая, можно ли их ослабить, растянуть, перетереть. Канаты были сплетены из трёх прядей, толстые, с палец толщиной. Без ножа не перерезать. Без инструмента не развязать. Он попытался подтянуться, чтобы добраться до ветки, на которой висела сеть, но мышцы свело судорогой, а канаты врезались так, что захрустели рёбра.

Он висел.

Беспомощный. Один. В четырёх метрах над землёй, в чужом лесу, в чужом мире.

И тут пришла сонливость.

Та самая, которую он гнал всю дорогу, с которой боролся, которую перебарывал усилием воли, — теперь она накатила с утроенной силой. Адреналин схлынул, оставив после себя опустошение. Тело, измученное переходом, бессонной

ночью и многочасовым маршем, наконец получило то, чего требовало: неподвижность. Авель попытался ущипнуть себя за руку, но пальцы не слушались. Веки налились чугуном. Сопротивляться не было ни сил, ни смысла.

Он провалился в сон, всё ещё сжимая в кулаке бесполезный узел сети.

Сны были странными.

Не кошмары — скорее, обрывки воспоминаний, но перепутанные, перемешанные, как детали от разных механизмов, сыпанные в один ящик. Ему снился отец — не старый и больной, а молодой, с густой шевелюрой и сильными руками. Они вместе чинили «Москвич» во дворе, и отец говорил: «Смотри, Авель. Видишь эту гайку? Она держит весь узел. Убери её — и всё развалится. В любом механизме есть такая деталь. Найди её — и механизм твой». Авель-мальчишка кивал, хотя не понимал до конца. Теперь, во сне, он понимал.

Потом пришла Лена. Она стояла на кухне, только кухня была не их — стены из розоватого камня, окна без стёкол, а за ними багровое небо и парящие купола. «Ты всегда всё забывал, — говорила она беззлобно, почти нежно. — Молоко купить. Годовщину. Нож в пещере. Ты чинил станки, а свою жизнь починить не мог». Авель хотел ответить, но слов не было.

Потом была тишина.

И в этой тишине — золотистый свет. Тот самый, из пятого купола. Он тёк медленно, как река, и в нём плавали обрыв-

ки чего-то, похожего на слова. Не на русском, не на английском, не на каком-либо земном языке. Просто вибрации. Частоты. Смыслы, упакованные в свет. Авель чувствовал, как этот свет просачивается сквозь него, заполняет пустоты, настраивает что-то внутри. Как механик, который подкручивает болты в разобранном двигателе.

«Не сопротивляйся, — прозвучало в голове. — Ты уже прошёл настройку. Теперь просто прими».

Он проснулся от голосов.

Сначала это был просто шум — неразборчивый, как радиопомехи. Потом шум начал распадаться на слоги. Слоги — на слова. Слова — на смысл.

— ...висел тут всю ночь. Смотри, ещё живой.

— Странно одет. Не из долинных.

— Может, шпион?

— Глупости. Кому нас бояться? Да и одет не по-нашему.

Глянь на ткань.

Авель разлепил веки. Внизу, под сетью, стояли четверо.

Трое мужчин и одна женщина — все невысокие, жилистые, с кожей цвета светлой бронзы. Одежда из грубой ткани и выделанной кожи, на поясах — ножи и небольшие топоры. У женщины волосы заплетены в тугую косу, переброшенную через плечо, на висках — татуировки, похожие на стилизованные листья. Глаза у всех четверых были необычного оттенка — тёмно-янтарные, почти оранжевые, с вертикальными зрачками.

Авель смотрел на них сверху вниз и понимал каждое слово.

Не приблизительно, не по интонации — он действительно понимал. Их речь звучала в его голове сразу на русском, хотя губы говоривших двигались совершенно иначе, производя чужие, гортанные звуки. Остатки энергии купола, догадался он. Та самая настройка, которая довершилась во сне. Адаптация.

— Эй! — прохрипел он. — Помогите спуститься.

Четверо внизу замерли. Женщина положила руку на топорик.

— Ты говоришь на нашем языке, — произнесла она медленно, с расстановкой. — Но акцент... Откуда ты?

— Издалека, — Авель облизал пересохшие губы. — Очень издалека. Я не враг. Просто путник. Попал в вашу ловушку.

Тот, что стоял ближе всех — коренастый мужчина с седыми висками и шрамом через левую бровь, — хмыкнул.

— Ты просто дурак, что пошёл по чужой тропе.

— Спасибо за откровенность, — Авель позволил себе кривую усмешку. — А теперь, может, снимете меня отсюда? Я провисел всю ночь, и мне очень нужно в туалет.

Женщина фыркнула, но в её янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Она кивнула мужчине со шрамом, и тот, достав нож, ловко перерезал канат, удерживающий противовес. Сеть рухнула вниз.

Авель больно ударился плечом о землю, но тут же попытался встать. Не успел. Двое других мужчин уже стояли над ним, прижимая его руки к земле. Третий деловито связывал запястья тонким, но очень прочным шнуром.

— Эй! Я же сказал — я не враг!

— Это мы выясним позже, — спокойно ответила женщина. — А пока — потерпишь. Ты чужак, а чужакам у нас не доверяют.

Авеля рывком подняли на ноги, проверили карманы (зажигалку изъяли, повертели в руках, недоумённо переглянулись, но сунули в мешок), и повели сквозь лес. Шли быстро, почти бегом, и Авель едва успевал переставлять затёкшие ноги. Его конвоиры двигались бесшумно, как тени, и ему то и дело приходилось уворачиваться от веток, которые они даже не замечали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.